

Отрывки из произведений разных авторов

Густав Майринк. - Ангел западного окна.

Я развел костер и произнес ритуальные проклятия, обращенные к полной луне; неопиcуемый ужас, охвативший меня, что-то сделал с моей кровью: пульс колотился как бешеный, на губах выступила пена. Я схватил из клетки первую кошку, насадил ее на вертел и приступил к "тайгерму". Медленно вращая вертел, я готовил inferнальное жаркое, а жуткий кошачий крик раздирал мои барабанные перепонки в течение получаса, но мне казалось, что прошли многие месяцы, время превратилось для меня в невыносимую пытку. А ведь этот ужас надо было повторить еще сорок девять раз! Я впадал в какую-то прострацию, помнил только - этот душераздирающий вопль не должен прекращаться ни на секунду. Предошущая свою судьбу, кошки, сидевшие в клетке, тоже завывали, и их крики слились в такой кошмарный хор, что я почувствовал, как Демоны безумия, спящие в укромном уголке мозга каждого человека, пробудились и теперь рвут мою душу в клочья. Но во мне они уже не оставались - один за другим, по мере того как менялись на вертеле кошки, выходили у меня изо рта и, на мгновение повиснув дымкой в прохладном ночном воздухе, воспаряли к луне, образуя вокруг нее фосфоресцирующий ореол.

Смысл "тайгерма" состоит в том, чтобы изгнать этих демонов, ведь они-то и есть скрытые корни страха и боли - и их пятьдесят! Но этот экзорцизм мучительнее всякой пытки, редко кто выдерживает чудовищное аутодафе пятидесяти черных кошек, священных животных Богини. Ритуал прямо противоположен литургии. Так вот, когда "тайгерм" выпарит страх и боль из моей крови вовне - в мир луны - туда, откуда они происходят, тогда на дне моего сердца останется лишь истинное бессмертное я в чистом виде и смерть со своей свитой, в которую входят великое забвение всей прежней жизни и утрата всякого знания, будет побеждена навеки.

Две ночи и один день длился "тайгерм", я перестал, разучился ощущать ход времени; вокруг, насколько хватал глаз, - выжженная пустошь, даже вереск не выдержал такого кошмара - почернел и поник. Но уже в первую ночь стали пророзаться во мне сокровенные органы чувств; я начал различать в inferнальном хоре голос каждой кошки. Струны моей души подобно эху откликались на "свой" голос, пока одна за другой не лопнули. Тогда мой слух раскрылся для бездны, для музыки сфер; с тех пор я знаю, что значит "слышать"...

Огонь потух, высоко в небе стояла полная луна. Колени мои подгибались, я шатался как "тросник, ветром колеблемый". Неужели землетрясение, подумал я, так как луна стала вдруг раскачиваться подоюно маятнику, пока мрак не поглотил ее. Тут только я понял, что ослеп и мой левый глаз - далекие леса и горы куда-то пропали, меня окружала крошечная безмолвная тьма. Не знаю, как это получилось, но мой "белый глаз" внезапно прозрел, и я увидел странный мир: в воздухе кружились синие, неведомой породы птицы с бородатыми человеческими лицами, звезды на длинных паучьих лапках семенили по небу, куда-то шествовали каменные деревья, рыбы разговаривали между собой на языке глухонемых, жестикулируя неизвестно откуда взявшимися руками... Там было еще много чего диковинного, впервые в жизни сердце мое томительно сжалось: меня не оставляло чувство чего-то давно знакомого, уже виденного, как будто я там стоял с самого

сотворения мира и просто забыл. Для меня больше не существовало "до" и "после", время словно соскользнуло куда-то в сторону...

...черный дым...на самом горизонте...какой-то плоский, словно нарисованный... Чем выше он поднимался, тем становился шире, пока не превратился в огромный черный треугольник, обращенный вершиной к земле. Потом он треснул, огненно-красная рана змяла сверху донизу, а в ней с бешеной скоростью вращалось какое-то чудовищное веретено...

...наконец я увидел Исаис, Черную Матерь: тысячурукая, она сучила на своей гигантской прялке человеческую плоть...кровь струилась из раны на землю, алые брызги летели в разные стороны...попадали на меня, теперь я стоял, крапленный зловещей экземой красной чумы, видимо это и было тайное крещение кровью...

...на оклик Великой Матери та, что спала во мне подобно зерну, проснулась, и я, слившись с нею, дочерью Исаис, в единое двуполое существо, пророс в жизнь вечную. ...

Д.А. Хилли. - Лилит. Свет и Тьма.

Вокруг лишённого сознания девушки черный мастер расставил девять пурпурных свечей. Их пламя робко трепетало на ветру, морозясь от легких дождевых капель. Поверх девушки черный мастер возложил огромный лунный камень. Он подал знак двум адептам установить курильницы для благовоний, и вскоре воздух наполнился ароматом жасмина. Детен чувствовал, как из внутреннего круга истекает сила камней. Мегалиты соединились между собой мощными линиями магнетической силы. Каждый из камней имел магическую связь с остальными, причем эти связи менялись в соответствии с изменениями природных сил вселенной, из которых мегалиты черпали свою энергию. Детен знал, что ритуал удастся только в розовом круге, потому что ему была нужна естественная связь с остальными планами существования.

Он ощутил атмосферу ночи и подавил в себе дрожь. Теперь Темная Луна висела прямо над розовым кругом. Вместе с отсутствием Мага это значило только одно : сейчас план Энии был нестабилен как никогда. Время было неподходящим для любых действий, за исключением разве что черной магии в самом опасном ее виде, какой только можно себе представить.

В этот раз холод ночи был особенно пронизывающим, а резкие порывы ветра несли с собой нечто зловещее. Детен чувствовал, что Силы Тьмы собираются вокруг него, выжидая в предвкушении.

Лилит, Королева Ночи. Это была сила, которую не в состоянии постигнуть ни один смертный. Свободное, безграничное проявление этой силы должно было несомненно пробудить от вековечного забвения главного противника Лилит - агхангела Гавриила. Последствия этого были бы непредсказуемы. Вне зависимости от исхода битва оказалась бы катастрофической. В одном можно было не сомневаться: в результате этого побоища и Энию, и Йесод почти наверняка ожидало уничтожение, а возникший дисбаланс разрушил бы древо жизни и , вместе с ним, - Вселенную.

Детен закрыл глаза и , подав знак остальным молчать , начал настраиваться на окружающее. Он почувствовал ледяной холодок по всему телу, когда в него со всех сторон ринулись Силы Тьмы. Граница совсем ослабла, так что приближение Их становилось почти физически осязаемым.

Детен развернулся к Бэлу и приказал:
-Начинай запрещающий обряд.

Бэл послал трех адептов занять места в северном, южном и западном секторах внешнего круга, а сам встал на восток, отвернувшись от круга. Из -под накидки он извлек какой-то предмет, завернутый в кусок белой хлопковой ткани, и осторожно развернул его. То был покрытый искусной резьбой кинжал из необыкновенной стали. На рукоятке ярко-красного цвета изумрудно сверкали иудейские имена и символы. Казалось, будто рукоятка и символы постоянно меняются цветами. Бэл принялся чертить кинжалом знак пентаграммы. Он заполнил пентаграмму глубоким сине-фиолетовым цветом с мерцавшими в нем золотыми огненными язычками. Стражник взялся чертить знак от левого бедра, так что пентаргамма получилась большая, почти с него высотой. Бэл отлично владел визуализацией, и вскоре пентаргамма стала видимой и для других адептов.

Готовый символ замерцал перед Бэлом. Глубоко вдохнув, стражник с силой погрузил обе руки в центр пентаграммы, ступил вперед левой ногой и мощно выходнул, наполнив символ своей энергией. Затем он вновь принял естественную позу и , выкинув кинжал, воткнул лезвие в самое сердце нарисованного знака. Бэл двинулся в сторону внешнего круга, в высоко поднятой руке он держал кинжал, и острое зараженного клинка оставляло за собой в воздухе ослепительную белую линию эфирной энергии. Достигнув южной части круга, он опустил кинжал и передал его слудующему адепту. Второй черный маг также начертил пентаргамму с центром в точке, где закончилась проведенная Бэлом горизонтальная линия энергии. По завершении он зарядил пентаграмму, как это делал Бэл, и провел в воздухе линию до следующего черного адепта. Вскоре весь ансамбль мегалитов был отделен от остального мира белой сияющей границей, с четырех сторон укрепленной пылавшими синими пентаграммами.

Покончив с этим , четверо магов вернулись на свои места. Детен пересек средний синий круг и встал подле камня посвященного марсу. По его сигналу остальные черные маги легли наземь, каждый касался ступнями одного из Семи.

Детен вытолкнул из чакры солнечного сплетения астральное вещество, и оно поднялось на шесть футов над его телом. Он придал веществу точную форму своей физической оболочки. Теперь астральный двойник парил горизонтально в воздухе лицом к Детену. Усилием воли черный мастер переместил в двойника свое сознание.

То же проделали и остальные маги. Через минуту каждый адепт, на этот раз в астральной форме, присоединился к собственному физическому телу у Семи.

Детен отдал своему намерению приказание начинать:
- Гекас, гекас, эсте бебелой!

При этих словах вся долина замерла в ожидании.

Черный мастер начал нараспев произносить заклинания, сначала медленно, но постепенно ускоряя темп и силу голоса. Психический тон окружающего тут же изменился. В нужное время к наставнику присоединились и другие черные адепты. Пение становилось все более громким и зазывным. Через несколько минут эхо распева мощными волнами покатилося по долине, то ритмично усиливаясь, то слабей.

Весь план замер, взволнованно ожидая конца ритуала. Выложившись в последнем отчаянном порыве, умолк ветер; даже дождь перестал упрямо моросить, будто его и не было. Не было слышно ни одного звука - лишь нескончаемое пение черных магов. Их голоса уже достигли невероятной высоты и силы, но продолжали возвышаться. Теперь пение вибрировало по всей земле, потрясая ее до самых недр, и маги чувствовали, как под ногами у них эхо прокатывает свои зыбкие волны.

Мысленным взором Детен представил пентаграмму над толлом девушки. Она мощно сверкала зловещими голубоватыми отблесками, набараят силы от пения. По мере того как остальные адепты прибавляли свою магическую энергию, пентаграмма становилась все ярче. Напряженность в воздухе достигла пика. Энергия пульсировала в атмосфере с такой мощностью, что было трудно дышать. Постепенно воздух начал светиться, переливаясь всеми цветами радуги. Теперь присутствие неодолимой Силы Зла уже было очевидно: Детен ощущал Ее в виде огромного давления, наступающего со всех сторон.

Тогда он подал знак прекратить пение. Над равниной воцарилась тишина. В воздухе витали искры - барьер, отделявший Невидимое, значительно ослаб.

Детен на мгновение сделал паузу, чтобы перевести дыхание, потом воздел руки к небесам. Ночной свод уже очистился от туч и переливался пурпурными отсветами.

И вот черный мастер мощно пророкотал :

- Мы вызываем из глубин Царицу Ночи! Мы, чистые сердцем и душой, поем хвалу Царице Демонов! Явись перел нами во всей своей силе, положи конец жалким мольбам этого мира! Явись перед нами и с радостью уничтожь нас!

Разряд всепроникающей энергии расколол воздух. Во внутреннем круге мегалитов хаотично забушевали невиданные смерчи. Атмосфера настолько сгустилась, что дышать стало невозможно. Под влиянием исходивших от внутреннего круга волн Мрака астральное тело Детена сжалось.

Он посмотрел на алтарь, где лежала так и не очнувшись девушка, и громко возвестил:

- Мы предлагаем Тебе жизнь девственницы, дабы облегчить Твое проявление!

Тут над телом девушки возникло черное пульсирующее облако. Быстро увеличиваясь в размерах, облако начало выворачиваться наизнанку. Вокруг распространилось зловоние. Невыносимый холод сковал все члены собравшихся адептов. Облако опустилось на алтарь, обвалакивая тело жертвы. На долю секунды к девушке вернулось сознание; широко раскрыв глаза, несчастная успела испустить одинокий пронзительный крик прежде, чем Мрак поглотил ее без остатка...

Детен пристально, словно одержимый, наблюдал за происходящим, и в глазах его мерцала такая же Тьма, как та, что сейчас клубилась на алтаре. Внезапно могучий рев потряс древние мегалиты и сгустившийся Мрак засветился. Черный мастер раскинул руки, готовясь обнять явление.

Свечение усилилось; оно становилось все ярче и ярче, так что глаза уже не могли выдержать этого света. Вспышка!

Высвободившаяся Сила Тьмы в мгновение ока разбила на атомы физические и астральные тела адептов. Эхо катастрофического взрыва распространилось на сотни миль вокруг, ударная волна едва расколола план на куски.

Воздух затрясся от полного ярости и ужаса нечеловеческого рева. Это очнулась от сна потревоженная Лилит-Царица Ночи.

Анатоль Франс – Дочь Лилит.

Ее звали Лилит. Она была создана не из ребра Адама, но из глины, из которой был вылеплен он сам, и не была плотью от плоти его. Лилит добровольно рассталась с ним. Он не знал еще греха, когда она ушла от него и отправилась в те края, где много лет спустя поселились персы, а в ту пору жили преадамиты, более разумные и более прекрасные, чем люди. Значит, Лилит не была причастна к грехопадению нашего праотца, не была запятнана первородным грехом и потому избежала проклятия, наложенного на Еву и ее потомство. Над ней не тяготеют страдание и смерть, у нее нет души, о спасении которой ей надо заботиться, ей неведомы ни добро, ни зло. Что бы она ни сделала, это не будет ни хорошо, ни плохо. Дочери ее, рожденные от таинственного соития, бессмертны так же, как и она, и, как она, свободны в своих поступках и мыслях, ибо не могут ни сотворить угодное богу, ни прогневать его. Итак, мой сын, я узнаю по некоторым несомненным признакам, что это создание, которое толкнуло вас к падению, — Лейла, дочь Лилит. Молитесь, завтра я приму вашу исповедь.

Стархок – Танец по спирали...

Я — краса зеленой Земли, и белой луны среди звезд, и таинства вод. Я призываю душу твою возвыситься и приблизиться ко мне, ибо Я — душа природы, дарующая жизнь всей Вселенной. Из Меня все исходит и ко Мне возвращается. Пусть преданность Мне царит в радующемся сердце, ибо — смотри! — любое проявление любви и счастья — церемония в Мою честь. Да пребудут с тобой красота и сила, могущество и сострадание, достоинство и смирение, веселье и почтение. Знай, ты, стремящаяся познать Меня, что искания и грёзы твои будут тщетны, пока не постигнешь Истину: если не найдешь того, что ищешь, внутри себя, никогда не найдешь и снаружи. Ибо — смотри! — Я была в тебе изначально, и Я — то, что обретешь во исполнение мечты.

Гёте – Фауст.

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь, кто она?

Всмотрись: Лилит.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена

Адама. Берегись косы ее касаться:

Коса — ее единственный убор.

Кого она коснется, тот с тех пор

Прикован к ней, не может с ней расстаться.

Сильва Капутикян – Лилит.

Ты — первый огонек меж первых двух кремней,

Ты — движущийся блеск неоновых огней.

Неуловимая от самых давних дней,

Лилит, Лилит!

От века скрытая в душевной глубине,

Всегда как в облаке, как в дымке, как во сне.

Вдвойне желанная, бесценная вдвойне,

Лилит, Лилит!

В теснинах сердца ты как праздничный тайник,

Родник влечения, сомнения родник.

Падение и взлет, блаженства краткий миг,

Лилит, Лилит!

Здесь — и земля и хлеб, а ты - порыв мечты.

Ты — где-то, и твои изменчивы черты.

Воспламененная , испепеляешь ты,

Лилит, Лилит!

Здесь — тихий, теплый кров, а ты — пустырь, простор,

Здесь — тлеющий очаг, а ты — лесной костер,

Здесь — примирение, а ты — извечный спор,

Лилит, Лилит!

Непризнанная, ты всему и всем чужда.

Здесь — Ева. Здесь — плоды. Твой цвет не даст плода.

Меж небом и землей одна, одна всегда,

Лилит, Лилит!

Община «Родолубие» - Мара.

Через девять дней созерцательного уединения, когда сердце мое было опустошено от страстей, а разум от суетных помвслов, Темная Мать явилась ко мне. Вначале Ее явление

было подобно мерцанию далекой звезды на небесном своде, затем Она предстала как Луна в ночь своего торжества. И вот, наконец, Она явила Себя в образе Той, Которая Кружится в танце всепожирающего Огня, и не было ничего во всех трех мирах, что было бы не вовлечено в эту пылающую Круговерть. И я уже не знал, чудится мне это все это или видится воочию, смотрю я на Нее со стороны или сам растворяюсь в Ней. И вот Она приблизилась ко мне - так, что не видел я более ничего, кроме Нее Одной - и вмиг отсекала мне голову своим сверкающим как тысяча Лун Серпом. И когда узрел я нетелесным оком голову свою в руке Ее, не страх неожиданной смерти, а несказанный восторг и неземное блаженство охватили меня, ибо не было больше отдельного меня, но была лишь Она Одна - Великая Мать, Темная Богиня...

Говард Филипс Лавкрафт – Тень на чердаке.

Она медленно повернула голову, и на несколько мгновений наши взгляды скрестились – я увидел страшную огненную бездну, глаза, не имевшие ничего общего с человеческими. Это было что-то непередаваемое – голод и похоть, ненасытная, всепоглощающая злоба пылала в ее взоре. В остальном эта встреча точь-в-точь повторяла ту, что запомнилась мне с детских лет – женщина стояла совершенно неподвижно, лицо ее, за исключением глаз, не выражало ни малейших эмоций. Не в силах более выдержать этот взгляд, я попятился за порог, в спасительную темноту холла.

Джордж МакДональд – Лилит.

Но если бы я нашел человека, который бы смог поверить
В то, что он никогда не видел, не чувствовал и даже не слышал
От него я возьму сущность и приобрету
Стойкость и форму, реагирующую на прикосновение и видимую,
И оденусь в похожую настоящность
Этой фантазии, где расколется его душа.

Он перевернул лист, и продолжал:

Во мне - каждая женщина, у меня есть сила
Над душами каждого живого мужчины,
Такую, такую женщина никогда не получала в наследство.
Могу то, чего не могла и не может ни одна женщина.
Всех женщин я, женщина, отныне превзошла.
Превыше была, превыше есть, превыше буду в залах жилищ.
Так как я, несмотря на то, что он не может ни видеть меня,
Ни дотронуться хотя бы пальцем руки,
Если бы даже ни разу мое дыхание не коснулось его волос,
Могу помешать ему дышать
И пустить корни, связать узами, которые и смерть не расплетет.
Или жизнь, хотя у него никогда и не было надежды.

Снова он запнулся, снова перевернул лист и снова начал читать:
Так как я лежу рядом с ним, бестелесная вещь.
Не дышу, не вижу, не чувствую, только думаю

И заставляю его любить меня - и жаждать.
Когда он узнает то, чего не знал, если так должно,
Или что-то без имени, что должно случиться
С ним, но вне зависимости от него, для чего я буду петь
Песню, которая не отзовется звуком в его душе,
Я лежу, бессердечная, вне его сердца,
Не давая ему ничего, там, где он отдает все свое
Сущее, чтобы одеть меня в человеческий облик, каждую мою часть.
Когда я наконец вспыхну,
И тогда в его живом сознании я впервые покажусь.
Ах, кто мог еще так завоевать Любовь, так, как я!
Кто так еще воцарялся в сердце мужчины!
Для видимых существ, с счастливым плачем,
Просыпаясь, биение жизни сквозь меня дрожа бежит.

Странный, отталкивающий кошачий вопль откуда-то проник в комнату. Я
приподнялся на локтях и огляделся вокруг, но ничего не увидел.
Мистер Рэйвен перевернул несколько листов и продолжил:

Внезапно я просыпаюсь, не ведая наводящего ужаса,
Который является моим вместилищем - не как змея извивается.
Но как дымный пар, испорченный и угрюмый
Наполняет сердце, душу, и грудь, и мозг насквозь.
Мое существо лежит без движения в болезненных сомнениях.
Не смея спросить, как сюда пришел ужас.

Мое последнее воплощение я знаю, но не теперешнее,
Я не понимала, кем я была и где,
Знаю, кем была когда-то, до сих пор у своих бровей я чувствовала
Прикосновение чего-то, чего уже здесь нет.
Я обмерла, умерла и все еще живу в отчаянии,
Жизнью, которая попирает жизнь, кривляясь.

Когда я была королевой, я знала совершенно точно,
И иногда надевала сверкающее на свою голову,
Чье сияние не могла затмить даже темнота смерти,
И похожее на шею, руки и пояс:
И мужчины говорили, что мои закрытые глаза излучают свет.
Который затмевает алмазы в серебрянкой оправе.

Снова я услышал жуткий женский крик. Это был крик боли. Снова я осмотрелся, но не
заметил ни призраков, ни какого-либо движения. Мистер Рэйвен, казалось, прислушался
на минутку, но вот снова перевернул несколько страниц и продолжил:

Ужасно мокрые, мои волосы золотого цвета
Запачкали мои гладкие руки: затем, чтобы их быстро отстричь.
Я отдала свои рубины, и для меня вырыли новые.

Никакие глаза не видели такой тонкой талии
Как глоток воды из рога,
За один грустный вздох мне отдавали голубые сапфиры.

Нет, я отдала свои опалы за оборки,
За одежды крестьянской девушки, грубые и чистые
Мой саван сгнил! Однажды я услышала петуха.
Громко поющего на зеленом холмике над моим гробом
Глухо мое место
Вернулся ответ, как призрачный смех.

И снова раздался зверский вопль.
- Я думаю, что-то нечистое было в комнате!. - сказал библиотекарь, бросив взгляд окрест
себя, но тут же перевернул лист-другой и снова начал читать:

Так как я купалась в молоке и медовых росах,
В дожде, от дрожащих роз, которые никогда
не касались земли.
И натирали меня мускусом и амброй.
Никогда не пятнали меня запятнанные от рождения,
Или родинки, или шрамы от бед, или беспокойство смерти,
Ни одного волоска на мне лишнего не росло.

Чтобы сохранить холодную белизну, я сидела одна,
Но не на солнце, я боялась его бронзового света -
Но его сияние возвращали ко мне зеркала, смягчающие мощь солнца,
От такого купания в не слишком ярком лунном свете
Моя кожа медленно приобретала цвет слоновой кости.

Но теперь все вокруг темно, все внутри темно!
Мои глаза больше не разбрасывают призрачные вспышки.
Мои пальцы опускаются в тлен через мягкую кожу,
Мое тело лежит мертвое, барахтается в месиве
Вязкого ужаса

С грозным воплем, с липкой шерстью, торчащей клочьями, хвостом, толстым, как канат,
сверкающими, как хризопраз, зелеными глазами, выпущенными когтями, загребающими
ковер так, что они путались в нем, откуда-то появилась огромная белая кошка и
направилась прямоком к дымоходу. Быстрым, как мысль, движением библиотекарь
бросил рукопись между ней и очагом. Она мгновенно распласталась по полу, ее глаза
были прикованы к манускрипту.
Но его голос продолжал звучать так, словно он все еще читал, и его глаза, казалось, по-
прежнему были сосредоточены на книге:

Ах, Два мира! Как странно, что они - одно,
И до сих пор неизмеримо широко разделены.
О, если бы я жила без тела и одна
И притуплением чувств спасла бы свою душу,

Язвы бы зажили, и боль бы ушла.

Убежали бы жизнь-в-смерти и стон бесконечного страдания.

И стоило прозвучать этим словам, как кошка разразилась таким чудовищным и продолжительным воем, что нам пришлось заткнуть уши. Когда вопль прекратился, мистер Рэйвен подошел к очагу, поднял книгу и, стоя между этой тварью и дымовой трубой, на одно короткое мгновение указал на нее пальцем. Она лежала совершенно спокойно. Затем он взял из очага наполовину сгоревшую палку, нарисовал на полу какой-то знак, вернул рукопись на место, с видом, который, казалось, должен был означать следующее: "Теперь она у нас в руках, я полагаю!", и, вернувшись к кошке, встал над ней и произнес спокойным торжественным голосом:

- Лилит, когда ты появилась здесь таким вот дьявольским способом, ты не слишком долго думала о том, в чьих руках ты окажешься! Мистер Уэйн, когда Бог создал меня - не из Ничего, как утверждают неблагоприятные, но из Его собственной бесконечной славы - Он дал мне создание, сияющее ангельской красотой, которое должно было стать моей женой - вот оно, лежит здесь! И первым ее помыслом была сила, она считала рабством быть моей единственной и рожать детей для Того, кто подарил жизнь ей. Одного ребенка, она, правда, родила, и тогда решила, разгоряченная чувством о том, что она его создала, заставить меня преклоняться и почитать ее за это! Обнаружив, однако, что я ее люблю и почитаю вместо того, чтобы подчиняться и поклоняться, она пролила свою кровь затем, чтобы освободиться от меня, присоединилась к армии чужих, и вскоре настолько пленила сердце великой Тени, что он сделался ее рабом, подчинился ее воле и сделал ее королевой ада. Каково ей сейчас, ей лучше знать, но и я тоже это знаю. Единственного ребенка, которого она выносила, она боится и ненавидит, и убьет, утверждая как правду ложь о том, что Бог таким образом через нее пошлет дитя в иной мир. О творении она знает не больше, чем о кристалле, который вбирает собственную тень, или о черве, от которого происходят два червя, если его расчлениют надвое. Мерзейшее из Божьих тварей, она живет за счет человеческих жизней и людских душ, питаясь кровью. Она убивает и поглощает, но не может ни уничтожить, ни создать что-либо.